

ОСЕНЬ

Александр Крамер
Любек

Все. Оставался какой-то десяток часов. Он уезжал. Навсегда. И ему напоследок хотелось исчерпать этот город до дна.

А кругом была осень. И желтые листья. И солнце светило вовсю. И ветер был теплый и ласковый. Этот приторно ласковый ветер рвал с деревьев охапками желтые листья и бросал их идущим под ноги.

И он тоже – высокий, изящный и соломенно-рыжеволосый – казался осенним листом, оторванным и гонимым все тем же приторным ветром. И еще он казался слепым, потому что на всех наткался и чуть-чуть не попал под машину, и блуждал без цели и толку, ощущая с ужасом и восторгом, как время уходит, уходит, уходит, уходит, уходит...

Все. Он больше уже не мог ни носиться, ни ощущать. Город все так же был полон, а он исчерпался до дна. Ветер еще какое-то время кружил его душу, напоследок давая возможность насладиться свободой, и теперь вот швырнул его так же, как прочие листья, идущим под ноги. Он сидел на скамейке в крошечном сквере, зажатом между домами, и был тих и бессилен, и как будто уснул, улыбаясь теплу и покою, опустошенный.

О Господи! Время! Он схватил свою сумку и

понесся, как вихрь, как тайфун, как торнадо, теперь уже целеустремленно расталкивая прохожих (мне кажется, что от этого им было не легче), и чуть было снова не попал под машину. Но вот и автобус. Привычная давка привела его в чувство. Он быстро восстанавливал силы перед дальней дорогой. Скорлупа разрушалась. Птенец выбирался на волю. Чтобы жить!

Черт! Проклятое время! Как дикий зверь за добычей, пересек он вокзальную площадь, скатился в подземный туннель, вырвался вновь на поверхность, на перрон, и понесся к вагону, распугивая пассажиров, разметаая опавшие листья...

Откуда только взялась эта лужа! Состав уже лязгнул на сцепках, а еще два вагона... И Она закрывает проход между лужей и краем перрона. И о вихрь, о тайфун, о торнадо!..

Она была так же изящна и соломенно-рыжеволоса. И казалось, что они два листа с одной кроны. Это ветер прибил их друг к другу и теперь наслаждался творением крыл своих (вполне в его духе).

И он обнял ее, приподнял и затих, и несмело коснулся губами, и, гонимый осенним временем, унесся, оставив ее на перроне среди облетевших листьев.

* * *

Jede Epoche hat ihre Mängel, die zu den Fehlern der Vorzeit hinzugerechnet werden. Das ganze nennt man dann das Erbe der Menschheit.

Heinrich Heine

У каждой эпохи свои изъяны, которые прибавляются к изъянам более ранних эпох; именно это мы называем наследием человечества.

Генрих Гейне